Научная статья
Исторические науки
УДК 28-17 821.222.1 (5-191.2) “15”
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-516-535

«Маджма‘ ал-гара’иб»: источниковедческий и контекстуальный анализ

Али Резаипуя

Выпускник аспирантуры СПбГУ по специальности «История народов стран Азии и Африки»
ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-7150-7330

Аннотация. Статья посвящена персидской энциклопедии XVI в. «Маджма‘ ал-гара’иб» («Сборник редкостей»), созданной в Балхе и относящейся к жанру ‘аджā’иб ва гара’иб. Со второй половины XX в. текстологические исследования по данной работе публиковались в Иране, Афганистане и СССР, и некоторые исследователи использовали его как источник по истории Балха. Однако ряд вопросов, включая авторские намерения, композиционные закономерности, источники и метод, жанровые и структурные особенности произведения, а также интеллектуальный и политический контекст создания произведения остаются недостаточно изученными. Настоящее исследование основано на текстологическом и историко-литературном анализе шестнадцати рукописей из трех библиотек Санкт-Петербурга и представляет попытку реконструкции интеллектуальной биографии автора — Султан-Мухаммада бин Дарвиш-Мухаммада ал-Муфти ал-Балхи. Установлено, что автор имел высокое религиозное образование и преследовал двойную цель: развлекать читателя и направлять его к созерцанию божественного творения, а также добиться придворного покровительства. Анализ выявил от 60 до 80 источников, сгруппированных в семь категорий, что демонстрирует тесную связь «Маджма‘ ал-гара’иб» с тимуридской литературной традицией и книжной культурой Хорасана XV–XVI вв. Таким образом, труд представляет собой энциклопедическое собрание знаний, выходящее за пределы традиционных рамок жанра и отражающее многогранность интеллектуальной культуры позднесредневекового Хорасана.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Резаипуя А. С., 2026
© Ориенталистика, 2026

Ключевые слова: «Маджма' ал-гара'иб», Балх, Шибаниды, Тимуриды, космография, парадоксография

Для цитирования: Резаипуя, А. «Маджма' ал-гара'иб»: источниковедческий и контекстуальный анализ. *Ориенталистика.* 2026;9(3):516–535. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-516-535.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-516-535

"Majma' al-gharā'ib": A Source-Critical and Contextual Analysis

Ali Rezaeepuya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-7150-7330

Abstract. This article examines the sixteenth-century Persian encyclopedic work Majma' al-gharā'ib ("Collection of Rarities"), composed in Balkh and classified within the genre of 'Ajā'ib va Ghrā'ib ("Exotic things and rarities"). Since the latter half of the twentieth century, textual studies of this work have been published in Iran, Afghanistan, and the USSR, and some scholars have employed it as a source for reconstructing the history of Balkh. Nevertheless, a number of key issues — including the author's intentions, compositional logic, methods and sources, as well as the distinct genre-related and structural characteristics of the work — have remained insufficiently investigated. The study is based on a textual and historical-literary analysis of sixteen manuscripts from three libraries in St. Petersburg and constitutes an attempt to reconstruct the intellectual biography of the author, Sultan-Muhammad ibn Darwish-Muhammad al-Mufti al-Balkhi. The analysis demonstrates that the author possessed advanced religious education and pursued a dual objective: to entertain the reader while at the same time guiding him toward contemplation of divine creation, and to secure the favor and patronage of the court. Between sixty and eighty sources were identified and categorized into seven groups, indicating the close relationship of Majma' al-gharā'ib with the Timurid literary tradition and the broader book culture of Khorasan in the fifteenth and sixteenth centuries. Taken as a whole, the work represents an encyclopedic compilation of knowledge that exceeds the conventional boundaries of the genre and reflects the intellectual complexity and cultural richness of late medieval Khorasan.

Keywords: Majma' al-gharā'ib, Balkh, Shibanids, paradoxography, cosmography, Exotic, marvelous

For citation: Rezaeepuya, A. "Majma' al-gharā'ib": A Source-Critical and Contextual Analysis. *Orientalistica.* 2026;9(3):516–535. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-516-535 (in Russian).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Rezaeepuyai A., 2026
© Ориенталистика, 2026

Введение

Одно из поздних произведений средневекового арабо-персидского жанра *‘аджā’иб ва гарā’иб* («чудеса и редкости»), сохранявшего свою популярность в Центральной Азии до начала XX в., написано Султан-Мухаммадом б. Дарвиш-Мухаммадом ал-Муфтием ал-Балхи в XVI в. в Балхе на персидском языке. Критическое издание текста «Маджма‘ ал-гара’иб» пока не опубликовано, однако само сочинение неоднократно становилось предметом исследования. Вероятно, первым исследователем, обратившим внимание на рукописи этого сочинения, был В. В. Бартольд. В статье «О некоторых восточных рукописях» (1919) он кратко охарактеризовал петербургские списки памятника и указал на существование двух его редакций [Бартольд, 1973, с. 340–341]. В персоязычной научной среде значение труда первым оценил афганский ученый Абдулхай Хабиби. В 1956 г. в иранском журнале «Ягма» он опубликовал статью, основанную на неполной рукописи «Маджма‘ ал-гара’иб», обнаруженной в Афганистане [Habibi, 1956]. Более полная версия этого исследования увидела свет в 1961 г.; в ней Хабиби отметил, что текст содержит как минимум два уникальных сообщения: о мазаре имама ‘Али в Мазари-Шарифе и о местонахождении древнего храма огня Наубахар в Балхе [Habibi, 1961].

Значительный вклад в изучение структуры памятника и анализ связанных с ним источниковедческих трудностей внес Н. Д. Миклухо-Маклай [Миклухо-Маклай, 1970; Миклухо-Маклай, 1984]. Филологическому анализу «Маджма‘ ал-гара’иб» была посвящена диссертация Мухаммада-Йакуба Вахиди, однако, по мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, в ней недостаточно глубоко были проработаны текстологические аспекты [Миклухо-Маклай, 1984, с. 254]. Важное значение имеет также работа А. Т. Тагиржанова (1958), в которой автор не только вступил в полемику с выводами Бартольда и Миклухо-Маклая, но и существенно прояснил вопросы, касающиеся соотношения редакций и известных списков данного сочинения.

Б. А. Ахмедов также включил раздел о «Маджма‘ ал-гара’иб» в своё исследование по источниковедению истории Средней Азии и высказал ряд важных соображений относительно содержания произведения [Ахмедов, 1985]. А. Ф. Кюгельген в контексте исследования историографии Бухары XIX в. также рассматривает историческое сочинение Му‘йна и показывает, что оно представляет собой дополнение и продолжение «Маджма‘ ал-гара’иб» [Кюгельген, 2004, с. 145–152]. В 2011 г. З. Кабирян на основе трёх рукописей из иранских библиотек подготовила критическое издание текста в рамках магистерской диссертации по персидской литературе в Иране[1]. Помимо названных исследователей, к тексту «Маджма‘ ал-гара’иб» обращались М. Л. Салахетдинова [Салахетдинова, 1970], А. М. Мухтаров [Мухтаров, 1980], Б. А. Ахмедов [Ахмедов, 1982], Роберт Д. Макчесни [McChesney, 1991; McChesney, 2021], использовавшие его как источник по истории Балха.

Однако некоторые текстовые и контекстуальные аспекты, такие, как мотивы, источники, метод написания, редактирования книги, контекст

[1] Полный текст диссертации недоступен, в интернете можно найти только аннотацию.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

написания и контекст чтения ещё не прояснены. В данной статье, на основе изучения двенадцати рукописей, хранящихся в ИВР РАН СПб[2], трёх рукописей в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ и одной рукописи в РНБ, была предпринята попытка ответить на некоторые из этих вопросов.

Автор книги

Помимо скудной информации, содержащейся в самой книге, никаких других сведений об авторе не обнаружено. В данном исследовании были изучены 8 *тазкире* (антологий / сборников биографий), написанных в XVI и XVII вв. в Иране, Индии и Мавераннахре, и имя автора или его отца в них не было обнаружено [Baliani, 2010; Bukhari, 2015; Kabuli, 2013; Nasrabadi, 2014; Mutribi, 1998a; Mutribi, 1998b; Samarkandi, 2011; Heravi, 1968]. Особое сомнение вызывает отсутствие имени Султан-Мухаммада и упоминания о его творчестве в энциклопедическом труде, известном как «Бахр ал-Асрар» Махмуда б. Вали Балхи [Алексеев, 2006, с. 24–49]. Даже в той части «Бахр ал-Асрар», которая посвящена литературным и научным знаменитостям Балха, имя Султан-Мухаммада не упоминается [Balkhi, 1982]. Учитывая популярность «Маджма' ал-гара'иб» и тот факт, что Махмуд б. Вали служил библиотекарем в Балхе, он, несомненно, был знаком с произведением «Маджма' ал-гара'иб». Однако причины отсутствия упоминаний Султана Мухаммеда и его творчества остаются неясными. Хотя Ахмадов и полагает, что Махмуд б. Вали использовал «Маджма' ал-гара'иб» [Ахмедов, 1985, с. 138], само это произведение не включено в список трудов первого тома «Бахр ал-Асрар» [Махмуд ибн Вали, 1977, с. 166].

Одной из причин такого отсутствия информации является то, что в целом о литераторах Балха сведений меньше, чем о литераторах Самарканда и Бухары, потому что в этот период в Балхе не писались *тазкире*. В «Истории таджикского народа» упоминается, что известны имена только двадцати балхских писателей в первой половине XVI в. и двадцати трех во второй половине этого столетия [*ИТН*, 2010, с. 148; Каримов, 2011, с. 261–263]. Но в то же время благодаря большому количеству *тазкире*, составленных в Мавераннахре, известны имена нескольких сотен авторов из этой области.

Из сведений, содержащихся в книге, мы узнаем, что отец автора был одним из религиозных деятелей Балха и был связан со двором [№ 908, л. 118б]. Сам автор упоминает, что он имел «полномочия выносить фетвы», имея в виду, что, как и его отец, он достиг высокого уровня в изучении рели-

[2] В двухтомном кратком алфавитном каталоге персидских рукописей ИВР РАН упоминаются 15 рукописей этого труда, в том числе 12 проверенных и 3 рукописи как ошибки [Миклухо-Маклай, 1955, с. 504–506]. рукопись № С131 представляет собой произведение под названием «Дур ал-'Аджа'иб ва Та'джил ал-Гафелин», рукопись № 1918 представляет собой сборник стихов, а рукопись № В429 представляет собой грамматический текст. В однотомном каталоге персидских географических рукописей ИВР РАН числятся 13 рукописей, в том числе 12 рассмотренных рукописей и одна ошибочная рукопись (№ С1918) [Миклухо-Маклай, 1970, с. 62–74].

гии [№ 1204, л. 121а][3]. Но, видимо, самому Султан-Мухаммаду не нашлось места во властных кругах. В начале книги он отмечает, что не имел возможности быть представленным ко двору [№ 965, л. 2а]. Таким образом, желание попасть туда являлось мотивацией к написанию данного произведения. Кабирян утверждает, что Султан-Мухаммад был шиитом и, помимо «Маджма‘ ал-гара’иб», написал еще две книги: «Сборник писем» и «Перевод завета Малика Аштара» [Kabiryan, 2011].

Контекст написания

Султан-Мухаммад указывает, что целью создания его труда было «принесение радости и счастья, а также поднятие настроения» читателей [№ 908, л. 1а]. Автор отмечает, что до написания книги он углубленно изучал литературу в данной области и представлял рассказы в жанре *‘аджā’иб ва гарā’иб* в «собраниях знати и дворян» [№ 1204, л. 2б-3а; № B2419, л. 2а]. Это замечание подчеркивает социокультурный статус и специфику аудитории данного жанра в рассматриваемый период.

В антологиях (*тазкире*) XVI–XVII вв., созданных в Мавераннахре, содержатся явные свидетельства расцвета литературной среды и профессионального сказительства в Балхе. Например, Бакаи Бухари упоминает собрание (*маджлис*), организованное одним из балхских визирей, где поэты и мудрецы обменивались стихами и мнениями [Bukhari, 2015, p. 306]. Подобные интеллектуальные досуги не были исключительной прерогативой властных элит; литераторы собирались и в других местах, например, в городских садах [Mutribi, 1998a, p. 252] или даже в знаменитых лавках поваров [Bukhari, 2015, p. 233], становившихся центрами общественной жизни. Мутрибии Самарканди также сообщает о популярности публичного сказительства на центральной площади Балха — Регистане — в XVII в., отмечая, что для рассказчиков эта деятельность была способом заработка [Mutribi, 1998a, p. 262].

Профессиональные создатели и трансляторы подобного интеллектуального материала за вознаграждение пересказывали эти истории в светских кругах, при дворах правителей или оформляли их в виде письменных сочинений, поднося монархам в качестве посвящения. Кроме того, они нередко участвовали в копировании рукописей. Для патронов поддержка таких авторов служила инструментом укрепления престижа и политической легитимации [Subtelny, 1983, p. 123, 130], в то время как для широкой аудитории это было возможностью развлечься и приобщиться к созерцанию «чудес божьего творения».

[3] Макчесни также утверждает, что Султан-Мухаммад был исламским ученым [McChesney, 2021, с. 146], однако не приводит какого-либо источника, подтверждающего это утверждение. Современный афганский исламский ученый Абу ал-Асфар также посвятил отдельную работу поэтам Балха. Хотя в его книге отсутствуют ссылки, по всему видно, что автор использовал ряд уникальных рукописей и надписей при сборе материала. Он сообщает, что Султан-Мухаммад занимал должность муфтия Балха и в 1552/959 написал стихотворение по случаю восстановления гробницы Ходжи Бу-насара Парса в Балхе [Abul-Asfar, с. 96].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Ранние авторы трактатов жанра *'аджā'иб ва гарā'иб* в X–XIII вв. постоянно сталкивались с двумя основными проблемами: во-первых, их повествования о чудесах и редкостях мира не должны были противоречить исламским понятиям о мироустройстве; во-вторых, они должны были выдержать критику со стороны рационалистов. Например, во Введении к «Аджа'иб ал-Махлукат» Туси говорит, что «философы не принимают данного рода произведения за истину и полагаются на разум, но мы верим в достоверность исламских повествований» [Tusi, 2003, p. 24–25]. Однако автор «Маджма' ал-гара'иб» уже не борется с критикой рационалистов, так как в этот период философия и рационализм приходят в упадок [*ИТН*, с. 112], и автор не чувствует необходимости рационального оправдания повествования. Автор «Бахр ал-Асрар» в XVIII в. четко указал на упадок философии в Балхе. Он пишет: «Учителя мудрости, математики и других философских предметов не сильно растут в этом городе, и, если [учителям названных наук] случится поселиться в этом городе, у них не будет возможности преподавать и изучать эти науки. Потому что с начала своего образования и до конца своего образования учащиеся не занимаются никакими другими дискуссиями, кроме таких наук, как *фикх* (исламская юриспруденция), *тафсир* (толкование Корана), *хадис* (святые слова Пророка Ислама) и других [исламских] наук, так что они могут стать лишь *факихами*, *мухаддисами* и *муфасирами*, потому что философы не воспринимаются как ученые» [Balkhi, 1982 с. 11].

В таком контексте единственным основным вызовом для автора является религиозный аспект. В своем повествовании автор старается нигде не упоминать ничего противоречащего понятиям ислама. Однако все-таки один раз, в конце главы, посвященной ангелам и звездам, автор выдвигает рационалистическое суждение (оставаясь при этом в рамках исламской традиции) и пишет: «Все это… известно из достоверных толкований, но ни один мудрец никогда не наблюдал таких вещей. Хотя Богу виднее. Но что касается характеристик чего-то, что не наблюдалось, этого количества [информации] достаточно, и этот трактат на большее и не способен» [№ 1204, л. 9а; № 908, л. 10а]. Один из переписчиков даже добавил в конце текста следующую строку: «То, что учителя установили, мы, слуги, только записали с их слов. Это не то, как если бы мы сами придумали и написали что-то еретическое и безбожное» [№ B785–1, л. 125а]. Таким образом, самым важным вызовом не только для автора, но и для переписчика и читателя были возможные противоречия с религией, разногласий же с рационализмом уже не наблюдалось.

Еще одним проявлением упадка рациональности и научного подхода в этот период становится усиливающаяся оторванность научных сочинений от реальных общественных процессов. Так, Миклухо-Маклай справедливо отмечал, что значимые события эпохи не нашли отражения в рассматриваемом тексте, вследствие чего современный историк едва ли может использовать его как достоверный источник фактических сведений [Миклухо-Маклай, 1970, с. 59]. Иными словами, характерная для научного мышления связь с эмпирической реальностью здесь размыта: исследование существующих явлений подменяется опорой на книжную традицию. По словам Юрченко, авторы трактатов жанра *аджā'иб ва гарā'иб* выступали главным образом

в роли «хранителей традиции» [Юрченко, 2020, с. 20], чья задача заключалась не в анализе или интерпретации повествований, а лишь в их передаче [Юрченко, 2020, с. 10].

Эта черта не была уникальной для арабо-персидской средневековой космографии: сходную тенденцию демонстрирует и схоластическая космология средневековой Европы. Эдвард Грант, исследовав около 400 вопросов, обсуждаемых 52 средневековыми европейскими писателями в рамках космологических дискуссий в течение долгого времени, отмечает, что, несмотря на масштабные политические, религиозные, социальные и экономические изменения, происходившие на протяжении нескольких столетий, содержание и аргументация многих космологических вопросов оставались удивительно стабильными [Grant, 1996, p. 48–49]. На основании анализа этих вопросов он заключает, что социальные влияния не формировали космологические взгляды и суждения схоластических естествоиспытателей; их формировала унаследованная книжная традиция, основанная прежде всего на аристотелевской натурфилософии, греко-арабской научной традиции и христианском учении о сотворении мира [Grant, 1996, p. 49–50]. В дальнейшем он характеризует схоластическую натурфилософию и космологию как невосприимчивые к внешним социальным условиям и подчеркивает, что большинство происходивших в них изменений может быть объяснено в рамках собственной интеллектуальной традиции, без обращения к внешним социальным обстоятельствам [Grant, 1996, p. 57].

Устойчивость вопросов и способов их решения в средневековой космологии/космографии представляет интерес с точки зрения философии науки, особенно если общие принципы и общие интеллектуальные истоки (древнегреческие каноны) арабо-персидской и латинской космологии позволяют классифицировать соответствующие сочинения как космологические. В этом контексте важен критерий псевдонаучности Пола Тагарда. Согласно Тагарду, претендующая на научность теория или дисциплина является псевдонаучной, если на протяжении длительного времени она оказывается менее прогрессивной, чем альтернативные теории, сохраняет нерешенные проблемы, а ее сторонники не стремятся активно развивать ее, сопоставлять с альтернативами и критически оценивать подтверждающие и опровергающие свидетельства [Thagard, 1978, p. 228]. Прогрессивность при этом определяется способностью теории расширять круг объясняемых фактов и решаемых проблем. В качестве примера Тагард рассматривает астрологию, которая, по его оценке, со времен Птолемея мало изменилась и не расширила свою объяснительную способность, несмотря на наличие нерешенных проблем и появление более прогрессивных альтернатив [Thagard, 1978, p. 228].

Тем не менее анализ корпуса подобных сочинений — их аудитории, условий создания, форм представления и способов использования — может существенно углубить наше понимание культурной и социальной среды эпохи. Более того, в рассматриваемом тексте значимая историческая информация присутствует на периферии повествования, в тех его частях, которые формально выходят за рамки жанра *аджā’иб ва гарā’иб*, особенно в главах о Балхе и истории.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Несмотря на общее снижение уровня рационализма, культура рассматриваемого периода переживала количественный подъем: существовало множество поэтов и писателей, активно работавших при школах и библиотеках [Balkhi, 1982, с. 10–12]. Рост культурной активности был частично обусловлен политическими преобразованиями в Балхе XVI–XVII вв. Политическое возвышение Балхского ханства в XVI в. породило стремление его правителей создавать историко-географические сочинения, способные укрепить престиж города в соперничестве с Бухарой.

Именно в этот период в Балхе были написаны четыре энциклопедических произведения — «Маджма' ал-гара'иб», «'Аджа'иб ал-Табакат», «Бахр ал-Асрар» и «Джариде Балх» [Ахмедов, 1982, с. 4–10], — и все они в той или иной мере ориентировались на прославление Балха[4]. Ту же тенденцию мы наблюдаем и в сочинении "Resale Haftad Mashaiekh-e Balkh va Akabir-e Balkh", созданном спустя несколько десятилетий после «Маджма' ал-гара'иб» и посвященном Балху: хотя само это произведение там не упоминается, часть его материала, по-видимому, была использована. Автор сообщает, что шибанид 'Абд ал-Мумин-хан (1568–1598) поручил ему составить книгу, содержащую «краткие биографии знатных людей подвластного нам Балха» [Varsaji, 2023, с. 1].

Как отмечает Макчесни, общественные настроения в Балхе в это время тяготели к местничеству и противостоянию бухарскому политическому авторитету, в то время как основным преимуществом Бухары был ее исторический престиж. Поэтому балхские султаны — прежде всего Кистин Кара Султан — поддерживали историографические проекты, направленные на утверждение культурной и политической автономии Балха [McChesney, 1991, p. 17, 62, 69–71]. Таким образом, связь с реальностью проявляется в данном сочинении не столько в его содержательном уровне, сколько в самой стратегии компиляции и общем отклике на политико-культурную ситуацию эпохи.

Структура и жанровая классификация произведения

Прежде чем обратиться к конкретному случаю «Маджма' ал-гара'иб», необходимо обосновать существование *'аджā'иб* как самостоятельного жанра в средневековой арабо-персидской литературе. Около двадцати лет назад немецкая исследовательница фон Хеес, опираясь, в частности, на «Аджа'иб ал-махлукат» Закарии ал-Казвини, попыталась доказать, что понимание *'аджā'иб* как литературного жанра является преимущественно современной ориенталистикой конструкцией. По ее мнению, средневековые авторы

[4] В «Маджма' ал-гара'иб» наиболее подробно освещен раздел, посвященный Балху. Описывая дороги и расстояния между городами, автор подчеркивает: «Поскольку Балх находится в четвертой стране и является родиной и местопребыванием автора этой книги, начинать описание следует именно с него» [№ 965, л. 76а]. На самом деле здесь автор опирается на древнеиранскую концепцию деления мира на семь стран, согласно которой Иран занимает четвертое место. Персидский термин в тексте — *экилм-е чахаром*. Понимание Балха как части «четвертой страны» имеет самостоятельное значение. Примечательно также, что автор называет хана Балха шахом Ирана — *Хосров-е Иран* [№ C2340–2, л. 114б; № 965, л. 1а; № 908, л. 1б].

и читатели воспринимали подобные сочинения прежде всего как энциклопедии естественной истории в аристотелевском смысле, а сами тексты существенно различались по своему характеру: одни были энциклопедиями естественной истории, другие — географическими сочинениями, третьи — преимущественно литературными произведениями [Von Hees, 2005].

Эта позиция была подвергнута критике Заде, который показал, что в средневековом арабском и персидском мире существовало представление об *‘аджā’иб* как об особой области письменности и знания [Zadeh, 2010]. Представляется, что наиболее существенным недостатком интерпретации фон Хеес является недооценка жанровой и интертекстуальной связи этих произведений: значимые сочинения об *‘аджā’иб* создавались в диалоге с предшествующей текстовой традицией, заимствуя, переосмысливая и развивая ее материал. Так, в случае «Маджма‘ ал-гара’иб» — в статье показано, что его важнейшими источниками и образцами были именно более ранние произведения этой традиции.

Вместе с тем отдельные положения фон Хеес позволяют говорить о внутреннем разнообразии жанра: произведения об *‘аджā’иб* имели различные тематические и структурные формы, и лишь часть из них может быть названа энциклопедической [Von Hees, 2005, p. 113–114]. Обратное также верно: согласно анализу Гутаса, можно выделить три типа классических арабоязычных энциклопедий, один из которых посвящен чудесам [Gutas, 2006]. Это различие особенно важно для «Маджма‘ ал-гара’иб»: большинство исследователей независимо друг от друга относили его к энциклопедии космографии. Семёнов также определял этот труд как сочинение по естественной истории и космографии [Семёнов, 1935, с. 40].

«Маджма‘ ал-гара’иб» открывается введением, восхваляющим Бога и хана, за которым следуют от 15 до 20 глав (в различных версиях). Подобно другим космографическим работам, произведение придерживается неоплатонического порядка, переходя от сакрально-духовных тем к земным и материальным. Оно описывает сотворение неба и небесных тел, генеалогию и чудеса пророков, а затем переходит к описанию чудес, связанных с людьми, животными, растениями, морями и реками, горами, могилами и городами.

Как отметил В. П. Демидчик, жанр *‘аджā’иб ва гарā’иб* («чудеса и редкости») мог распространяться на самые разные темы, поскольку находился на стыке научной, религиозной и художественной прозы, и его целью было создание энциклопедии всего странного и необычного [Демидчик, 2004, с. 21]. В свете этой характеристики жанра автор «Маджма‘ ал-гара’иб» не просто следовал его канонам, но и активно расширял его тематические границы. Подход автора к чудесам и редкостям позволил включить в произведение материалы, традиционно не относящиеся к данному жанру. Так, анекдоты он трактовал как своего рода нарушение языковых привычек [№ 1204, 131b], а исторические события — как проявления удивительного [№ 1204, 145a-145b]. Таким образом, разнообразные сведения из различных источников и жанров были интегрированы в единый корпус чудес и диковин.

Основной целью автора было создание своеобразной энциклопедии мировых знаний, ядром которой служил концепт чудес, однако его замысел

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

не ограничивался этим. Султан-Мухаммад преследовал две главные цели: созерцание божественного творения через диковины мира [№ B1007, 7b-8a], а также отдых и развлечение[5]. Такой подход демонстрирует особый вид интеллектуальной деятельности, где глубокое осмысление и досуг органично сочетаются. Автор также не скрывал личной мотивации — стремления укрепить своё положение при дворе посредством создания этого труда; Эта энциклопедия предназначалась прежде всего для ограниченного круга придворных [№ 965, л. 2a].

В различных рукописях «Маджма' ал-гара'иб» есть много расхождений и несостыковок. Кажется, что данная путаница и разнообразие были проблемой даже для читателей и переписчиков этой книги в XVII–XX вв. В произведении под названием «'Аджа'иб ал-Табакат», написанном во второй половине XVII в. в Балхе в подражание «Маджма' ал-гара'иб», даже название этой книги упоминается неправильно, несмотря на то что она была и предтекстом, и образцом, и главным источником содержания данного произведения[6]. Частично эта путаница связана с природой жанра, т. е. такие произведения воспринимались как существующие самостоятельно — вне зависимости от автора. Читатели считали, что автор лишь отобрал и переписал что-то из уже существующих повествований. В начале сочинения «'Аджа'иб ал-Табакат» его автор заявляет, что правитель Балха приказал ему составить и переписать подборку *'аджā'иб ва гарā'иб* таким образом, чтобы ее можно было рассматривать как самостоятельную книгу и переписывать [№ B796, л. 7a, № C598–1, л. 5a], а затем описывает свой метод как «составление» этой «версии» из «известных и авторитетных книг» и в дальнейшем ее «написание размеренными выражениями, редкими стилями и странными сложными словами» [№ 908, л. 1a]. Другими словами, он считал своим долгом только собирание нарративов и их «красивую» компиляцию.

На самом деле общее представление читателей, авторов и переписчиков о сути этих произведений заключалось в том, что существует фиксированный корпус текстов из прошлого, и люди, знакомые с этим корпусом, выбирают определенные нарративы, а затем пересказывают их устно или письменно. Согласно этому представлению, переписчики и читатели позволяли себе вмешиваться в текст. У. Каримов в исследовании, посвящённом литературе Мавераннахра XVI в., показал, что одной из основных характеристик культурной жизни этого периода является «популяризация» литературы. Поскольку в литературной деятельности участвовали разные социальные слои, не являвшиеся профессиональными писателями, распространялись неклассические литературные формы, использовавшие в повествовании разговорный язык [Karimov, 2011, с. 247].

[5] Султан-Мухаммад говорит, что целью написания его книги является «принесение радости и счастья и поднятие настроения» читателей [№ 908, л. 1a].

[6] Во введении к этой книге упоминаются восемь источников. В четырех рукописях, имеющихся в ИВР РАН, названия всех семи произведений совпадают, но название «Маджма' ал-гара'иб» написано неправильно в трех рукописях (№ 796, № 786, № 453) — как «Маджма' ал-'Аджа'иб». Однако в рукописи № 598 название книги указано правильно.

Среди особенностей такой популяризации литературы мы наблюдаем: рост подвижных, трансформируемых и расширяемых литературных форм и жанров, находящихся, по сути, на стыке популярной и элитарной литературы. Д. ДеВис, исследуя нарративы Сайид-Аты в Центральной Азии этого периода, определил совокупность этих нарративов как «нарративный круг», учитывая их народное происхождение и расширяемое содержание [DeWeese, 1995]. Р. Селла также пришел к аналогичному выводу, изучая популярные повествования о Тимуре в Мавераннахре [Sela, 2011, с. 43–53]. К аналогичному выводу пришёл и Ч. Мелвилл, изучая один из исторических текстов этого периода, известный как «Тарих-и Раким», в рукописных списках которого имеется множество расхождений и авторство которого не может быть точно определено. Мелвилл считает, что сам характер такого произведения располагает к возможности его развития и изменения, поэтому трудно определить, какая версия была исходной, а какие более поздними [Melville, 2023, с. 26]. Следовательно, проблема, существующая в отношении рассматриваемого текста, не является для него специфической, а относится к числу характеристик, свойственных общекультурному контексту данного периода.

Но сложность с расхождениями в рукописях «Маджма‘ ал-гара’иб» заключается в том, что некоторые из них связаны с многократным редактированием самого автора, другие с редактированием сына автора, а третьи — с редактированием переписчиками. Миклухо-Маклай справедливо указывает, что невозможно точно определить, какие правки, от каких деятелей и в какое время поступили [Миклухо-Маклай, 1955, С. 62–64].

Источники вдохновения

Существование как минимум двух произведений с идентичным названием, созданных в том же регионе и в конце XV — начале XVI в., поднимает вопрос о возможном знакомстве Муфтия Балхи с этими работами, которые и вдохновили его на создание своего труда. Необходимы дальнейшие исследования для определения степени влияния данных текстов на творчество Муфтия Балхи.

Одну из таких работ написал Бинаи Харави (1453–1512) для тимуридского эмира Султана Али Мирзы в Самарканде в 1498–1499 гг. поэму под названием «Маджма‘ ал-гара’иб» на хорасанийском диалекте, содержавшую, согласно сохранившимся сведениям, от 501 до 876 стихов[7] [Wasifi, 1961, p. 452–455; Sam-Mirza, 1966, с. 168–169; Safa, 1985, с. 393–411; *ТСЭ*, 1978]. Следует отметить, что Бинаи Харави также осуществил перевод книги «‘Аджа’иб ал-махлукат ва гарайиб ал-масну’ат» с персидского на чагатайский в Самарканде по указу Мухаммад Шайбани-хана. Рукопись этого произведения, созданная в Ширазе в 1568 г., в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Санкт-Петербурга [Ибрагимов, Пищулина, Юдин, 1969, с. 92].

Другим следует упомянуть труд по суфизму под названием «Мазхар ал-‘Аджа’иб ва Маджма‘ ал-гара’иб» («Источник чудес и сборник редкостей»),

[7] В ТСЭ на основании фрагментов, сохранившихся от этой работы, утверждается, что это произведение было своего рода биографией [*ТСЭ*, 1978, с. 445].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

созданный в 973/1565 г. Хафизом Басиром, накшбандийским шейхом, проживавшим в Бадахшане и убитым Мирзой Сулейманом, правителем этой области. В нем Хафиз Басир описывает «чудеса и редкости» — деяния и изречения своего духовного наставника, Мауланы Али Абиварди [Catalog, 2005, p. 710; Keshemi, 1997, p. 144–146; *Собрание...*, 1960, с. 406–407]. Согласно «Тарих-и Рашиди», сам Маулана Али Абиварди также был автором сочинения, посвященного «чудесам и редкостям» его шейха [Dughlat, 2004, с. 302].

Это позволяет предположить наличие в регионе суфийской литературной традиции, посвященной описанию чудес и редкостей шейхов. Примечательно, что место захоронения Хафиза Басира было в Балхе, из чего можно сделать заключение, что память о нем и его деятельности сохранялась в культурной среде, с которой был связан муфтий Балха. Также, по-видимому, источником вдохновения для автора послужил ряд произведений, написанных за полвека — столетие до автора в Герате в эпоху Тимуридов, особенно «Латайиф ат-Тавайиф» и «'Аджа'иб ал-Булдан» Муллы 'Али Бирджанди.

Источники

Анализ источников «Маджма' ал-гара'иб» выявляет расхождения в подсчетах исследователей, что, по всей видимости, объясняется вариативностью существующих рукописей. Согласно подсчету автора настоящей статьи, проведенному на основе рукописи № C609, в сочинении цитируется 61 письменный источник. А. Т. Тагирджанов приводит близкую цифру — 58 [Тагирджанов, 1958, с. 21], а Р. Макчесни насчитывает 60 наименований [McChesney, 2021, p. 146]. В то же время Б. А. Ахмедов указывает на упоминание в тексте до 80 трудов [Ахмедов, 1985, с. 138]. Эти различия наглядно проявляются при сравнении конкретных разделов. Например, в разделе анекдотов рукописи № 908 произведение «Латайиф ат-Тавайиф» не упоминается вовсе, а всего приводится 10 анекдотов. В то же время, в рукописи № 1204 значительная часть материала этого раздела заимствована из «Латайиф ат-Тавайиф», и общее количество анекдотов достигает 59.

Видимо, Султан-Мухаммад цитировал большую часть письменных источников (особенно арабские классические произведения, такие как «Тарих ал-Магриб», «Тарих аш-Шам», «Джами' ал-Ансаб», «Кашф-ал-Асрар» Са'алаби) из других источников. Использование им каждого источника полностью соответствует теме главы. Например, религиозные труды цитируются в первых главах книги, а географические труды — в географических главах. Другими словами, Султан-Мухаммад отобрал и обобщил специализированные работы в соответствии с разнообразной тематикой своего произведения. Если рассматривать прогресс науки в контексте специализации и расширения предметных областей, то здесь наблюдается обратное движение. Автор обобщает предыдущие специализированные работы в многоплановое произведение. Это устраняет научные сложности и интеллектуальные вопросы, поднятые в предыдущих арабо-персидских классических произведениях.

Автор проявляет приверженность своим источникам и в большинстве случаев следует мнению «специалистов в области общей истории» (напри-

мер: [№ С609, л. 16б]). А когда в повествовании есть какой-либо недостаток, он связывает это с отсутствием точных источников: «Характеристикам некоторых пророков, приведенных в книгах, которые изучались при написании этого сборника, не было дано подробного пояснения, поэтому я не осмелился излагать сведения о них черными чернилами» [№ С609, л. 17б]. Кроме того, автор не менее четырех раз цитирует без ссылок Имама Шафии [№ С609, л. 49а], Аристотеля [№ С609, л. 58б], Ка‘аб ал-Ахбара [№ С609, л. 71а] и Хорезми [№ С609, л. 83б]. Изучение источников, использованных автором, показывает, что на него в первую очередь повлияли близкие по времени источники. В частности, серьезное воздействие оказали два сочинения, созданные в Хорасане в XVI в.: «‘Аджа’иб ал-дунйа» и «Латаиф ал-Таваиф», — как по форме, так и по содержанию. Наряду с ними значимым источником для автора были историко-географические произведения периода Хулагуидов и Тимуридов. Все источники можно разделить на семь категорий:

Трактаты жанра *‘аджа̄’иб ва гара̄’иб* как релевантные работы по теме книги. Они чаще всего используются и упоминаются автором. На произведение под названием «‘Аджа’иб ал-Махлукат» он ссылается 27 раз. Насколько известно, одно произведение под таким названием было написано в сельджукский период, а другое, автором которого был Закария Казвини, уже после монгольского нашествия. Оба этих произведения были популярны до начала XX в. Учитывая, что Султан-Мухаммад не упоминает имя автора книги, трудно определить, какое из этих двух произведений он использовал. «‘Аджа’иб ал-Булдан» Муллы ‘Али Бирджанди также прямо упоминается автором 18 раз. Учитывая, что эта работа была завершена в 1524 г., она является практически современной по отношению к «Маджма‘ ал-гара’иб», и Султан-Мухаммад, вероятно, стал первым автором, использовавшим «‘Аджа’иб ал-булдан» в качестве источника[8] [Миклухо-Маклай, 1984, с. 89]. Также много раз упоминаются «‘Аджа’иб ал-Дунйа» [Habibi, 1961, с. 43], «Тухфат-ал-Гараиб» [Habibi, 1961, с. 40] и «‘Аджа’иб ал-‘Алам», «‘Аджа’иб ал-Хикаят», «‘Аджа’иб ал-Бахр», «‘Аджа’иб ал-Ахбар». Другие произведения этого жанра — «‘Аджа’иб ал-Хикайат», «‘Аджа’иб ал-Бахр», «‘Аджа’иб ал-Ахбар» — упоминаются реже и, по-видимому, цитируются из других источников.

Географические работы. Представляется, что сочинение «Нузхат ал-Кулуб» Хамдаллаха Мостоуфи было важным географическим источником автора, который ссылается на него 24 раза. После этого также много раз цитируются «Маджма‘ ал-Булдан», «Сувар ал-Акалим» [Habibi, 1961, с. 41–42], «Масалик ва Мамалик», а также «Масалик ал-Мамалик» Абу-л-Касима ‘Абдаллаха Хурасани [Habibi, 1961, p. 42]. Прямых упоминаний других географических трудов, таких как «Джахан-наме», «Асар ал-Бакийа», «Асар ал-Билад», меньше. По-видимому, автор ссылается на эти книги не напрямую.

Религиозные произведения. Султан-Мухаммад неоднократно ссылается на Коран, а также на толкования Корана, такие как «Тафсир-и Кабир», «Тафсир-и Бахр ад-Дурар», «Тафсир-и Хадайик ал-Хакайик», «Тафсир-и

[8] Следует также отметить, что в «Музаккир-и ахбаб» Нисари Бухари (1516–1596), написанном в Бухаре во второй половине XVI в., книга Бирджанди упоминается в двух местах — в контексте описания чудес Балха и Исфахана [Nisari, 1998, p. 31, 69].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Мавахиб-и илийа», «Тафсир-и Зад ам-Масир», «Кашф ал-Асрар» Са'алаби, «Тафсир-и ал-Хаккаф». Другие религиозные произведения, упомянутые автором в книге, это «Такмалат ал-Латаиф» [Habibi, 1961, p. 41–42], «Шак ал-Насайих», «Раузат ал-Рияз», «Раби' ал-Абрар», «Ми'радж ан-Набувват», «Раузат ал-Ахбаб»[9], «Хазанат ал-Фатави», «Ара'-ал-Мутикадимин», «Фавайид-и Фирузшахи».

Исторические произведения. Среди исторических работ, упомянутых в книге, есть два достаточно известных произведения периода Хулагуидов и Тимуридов, а именно «Тарих-и Гузида» Хамдаллах Мостоуфи и «Раузат ал-Сафа» Мирханда, которые наиболее часто упоминаются автором; большинство исторических ссылок взяты из этих двух работ. «Тарих-и Табари», «Джами' ат-Таварих», «Низам ат-Таварих», «Табакат-и Насири», «Тарих-и Балх», «Тарих-и Шам», «Тарих-и Магриб», «Зубдат ат-Таварих»[10], «Футухат-и Хинд», «Тарих-и Хамза Исфахани», «Хуласат ал-Ахбар», «Тарих-и Ал-и Салджук», «Тазкират ат-Тарих», «Тарих-и Хафиз Абру», «Фарс-наме» — другие исторические источники сочинения. Они редко упоминаются, и логично предположить, что, кроме «Тарих-и Балх», остальные цитируется не напрямую. Ахмедов также упоминает среди использованных автором источников «Тарих-и Сакалиба» («Историю славян») [Ахмедов, 1985, с. 138], которая отсутствует в рассматриваемой автором версии.

Сборники анекдотов и рассказов. Книга «Латайиф ат-Тавайиф» является главным источником анекдотов (*латайиф*) для автора. Соответствующая глава во многом опирается на материал из этого произведения. Следует отметить, что «Латайиф ат-Тавайиф» была написана всего за три десятилетия до создания «Маджма аль-Гараиб» в Гарчистане. Кроме исторических и религиозных источников автор использовал специальные сборники рассказов (жанр *хикайат ва кисас*) для глав, посвященных анекдотам и рассказам. Среди них «'Аджа'иб ал-Хикайат», «Зайн ал-Кисас», «Гуштасп-нама», «Сийар ал-Мулук», «Насихат ал-Мулук» Мир Саййид 'Али Хамадани, «Раби' ал-Абрар». Некоторые из этих трактатов, такие как «Сийар ал-Мулук» [Habibi, 1961, p. 46] и «Раби' ал-Абрар», сами по себе не являются повествовательными трактатами, однако автор использовал их как источник рассказов.

Трактаты по генеалогии (*ансаб*), биографии (*тазкире*) и путеводитель по могилам (*мазарат*): «Сафват ас-Сафа», «Джаме' ал-Ансаб», «Маджма' ал-Ансаб», «Мафахир ал-А'раб», «Тазкират аш-Шу'ара», «Максад ал-Икбал» — входят в число источников, на которые автор ссылается для ознакомления с биографиями людей.

Устные источники. Хотя большая часть содержания книги взята из предшествующих письменных источников, в трех разделах, а именно «Анекдоты», «Балх» и «История» представлена новая информация, которая, вероятно, ранее не появлялась ни в одном письменном источнике, и источником автора были устные сведения. Например, автор упоминает ряд куль-

[9] Эта книга была написана Хусайни Даштаки Ширази по просьбе Амир 'Али-Шира Навайи в Герате в начале XVI в., поэтому год написания близок к автору.

[10] Есть несколько исторических книг с таким названием, в том числе книга Хафез-Абру, историка эпохи Тимуридов.

турно-политических событий в Балхе и события из жизни своего отца. Можно предположить, что источником информации об этих событиях были рассказы отца [№ 908, л. 117б-122а].

Заключение

В статье предпринята попытка реконструировать интеллектуальную биографию Султан-Мухаммада бин Дарвиш-Мухаммада ал-Муфти ал-Балхи, а также определить его цели и источники при создании «Маджма‘ ал-гара’иб» на основе доступных материалов, прежде всего рукописей самого сочинения. Проведенный анализ показывает, что автор обладал высшим религиозным образованием и руководствовался двойной, практически неразделимой в контексте эпохи целью — развлечь читателя и поразмышлять о божественном творении. Кроме того, выявлена его личная мотивация — стремление приблизиться к двору. «Маджма‘ ал-гара’иб» представляет собой своеобразную энциклопедию, сосредоточенную на корпусе текстов о «чудесах и редкостях». Несмотря на жанровую основу, произведение значительно расширяет тематический диапазон. Исследование различных рукописей позволило выявить от 60 до 80 источников, систематизированных в семь категорий, что дало возможность определить наиболее значимые для автора. Основные из них демонстрируют преемственность хорасанской письменной традиции XV–XVI вв.

Список сокращений

ВФ СПбГУ — Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург).
ИТН — История таджикского народа.
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
ТСЭ — Таджикская советская энциклопедия.

Список литературы / References

Рукописи / Manuscripts
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ВФ СПбГУ. № 908.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ВФ СПбГУ. № 965.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ВФ СПбГУ. № 1204.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № С607-1.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № С608.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № С609.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № В2419.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № В795.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № С1858-6.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № В785-1.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № С2340-2.
«Маджма‘ ал-гара’иб». СПб. ИВР РАН. № 1476 (С1415-4).

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

«Маджма' ал-гара'иб». СПб. ИВР РАН. № B1007-3.
«Маджма' ал-гара'иб». СПб. ИВР РАН. № C1577.
«Маджма' ал-гара'иб». СПб. ИВР РАН. № B2225-3.
«Маджма' ал-гара'иб». РНБ. № ПНС176.
«'Аджа'иб ал-Табакат». СПб. ИВР РАН. № B796.
«'Аджа'иб ал-Табакат». СПб ИВР РАН. № B786.
«'Аджа'иб ал-Табакат». СПб ИВР РАН. № C598-1.
«'Аджа'иб ал-Табакат». СПб ИВР РАН. № C453-2.

Опубликованные источники и исследования / Published Sources and Studies

1. Ахмедов Б. А. *История Балха (XVI — первая половина XVIII в.).* Ташкент: Фан, 1982 [Akhmedov B. A. *History of Balkh (16th — first half of the 18th century).* Tashkent: Fan, 1982 (in Russian)].
2. Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985 [Akhmedov B. A. *Historical and Geographical Literature of Central Asia in the 16th–18th Centuries.* Tashkent: Fan, 1985 (in Russian)].
3. Алексеев А. К. *Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар.* СПб.: Изд. СПбГУ, 2006 [Alekseev A. K. *Political History of the Tuqay-Timurids, Based on Bahr-al-Asrar.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006 (in Russian)].
4. Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях. *В:* Бартольд В. В. *Собрание сочинений.* Т. VIII: *Работы по источниковедению.* М.: Наука; ГРВЛ, 1973, с. 340–350 (in Russian) [Bartold V. V. About some eastern manuscripts. *In:* Bartold V. V. *Collected Works.* Vol. VIII: *Works on source studies.* Moscow: Nauka; GRVL, 1964, pp. 340–350].
5. Демидчик В. П. *Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. Закарийа ал-Казвини и жанр мирабилий.* М.: Восточная литература, 2004. [Demidchik V. P. *The World of Wonders in Arab Literature of the 13th–14th Centuries.* Moscow: Vostochnaya literature, 2004 (in Russian)].
6. *История таджикского народа* (*ИТН*). Т. IV: *Позднее средневековье и новое время (XVI в. — 1917 г.).* Под ред. Р. М. Масова. Душанбе: Изд. АН Респ. Таджикистан, 2010 [*History of the Tajik People.* Vol. IV: *Late Middle Ages and Modern Times (16th century — 1917).* Ed. by R. M. Masov. Dushanbe: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2010 (in Russian)].
7. Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В. *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений).* Ч. 2. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1969. [Ibragimov S., Pischulina K., Judin V. *Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries: from Persian and Turkic works.* Part 2. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1969 (in Russian)].
8. Кюгельген А. Ф. *Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв).* Алматы: Дайк-Пресс, 2004

[Anke von Kügelgen. *Legitimization of the Central Asian Manghit Dynasty in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries)*. Almaty: Daik-Press, 2004].

9. Миклухо-Маклай Н. Д. Автор и его сочинение в средневековой научной литературе на персидском языке. *Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература.* Отв. ред. О. Ф. Акимушкин. М.: Наука; ГРВЛ, 1984. С. 57–140 [Miklukho-Maklay N. D. The Author and His Work in Medieval Scientific Literature in Persian — Essays on the Cultural History of Medieval Iran. Ed. by O. F. Akimushkin. Moscow: Nauka; GRVL, 1984, pp. 57–140 (in Russian)].
10. Миклухо-Маклай Н. Д. *Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения*. Вып. 1: *Географические сочинения.* М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955 [Miklukho-Maklay N. D. *Description of Persian and Tajik Manuscripts of the Institute of Oriental Studies.* Issue 1: *Geographical Works.* Moscow — Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)].
11. Миклухо-Маклай Н. Д. К характеристике среднеазиатской географической литературы XVI–XVII вв. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.: ГРВЛ. 1970. С. 59–61 [Miklukho-Maklay N. D. On the Characteristics of Central Asian Geographical Literature of the 16th–17th Centuries. *Written monuments and problems of the cultural history of the peoples of the East.* Moscow: Nauka; GRVL, 1970. pp. 59–61 (in Russian)].
12. Миклухо-Маклая Н. Д. *Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог)*. Ч. I. М.: Наука, 1964 [Miklukho-Maklay N. D. *Persian and Tajik Manuscripts of the Institute of Asian Peoples of the Academy of Sciences of the USSR (Brief Alphabetical Catalog)*. Part I. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].
13. Махмуд ибн Вали. *Море тайн относительно доблестей благородных.* Введ., пер., примеч., указ. Б. А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977 [Mahmud ibn Vali. *A sea of mysteries regarding the virtues of the noble.* Introd., transl., notes, index by B. A. Akhmedov. Tashkent: Fan, 1977 (in Russian)].
14. Мухтаров А. М. *Позднесредневековый Балх: материалы к исторической топографии города в XVI–XVIII вв.* Душанбе: Дониш, 1980 [Mukhtarov A. M. *Late-Medieval Balkh: Materials on the Historical Topography of the City in the 16th–18th Centuries*. Dushanbe: Donish, 1980 (in Russian)].
15. Салахетдинова М. Л. К исторической топонимике Балхской области. *Палестинский сборник*. Вып. 21(84): *Ближний Восток и Иран*. Л.: Наука, 1970. С. 222–228 [Salahedinova M. L. On the Historical Toponymy of the Balkh Region. Palestinian collection. Issue 21(84): Middle East and Iran. Leningrad: Nauka, 1970, pp. 222–228 (in Russian)].
16. Семёнов А. А. *Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной Библиотеки Среднеазиатского Государственного Университета.* Ташкент: Изд-во Среднеазиатского гос. ун-та, 1935 [Semenov A. A. *A descriptive catalogue of the Persian, Arabic and Turkish manuscripts preserved in the Library of Middle Asiatic State University.* Tashkent: Publishing House of the Central Asian State University, 1935 (in Russian)].
17. *Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.* Т. V. Ташкент: Изд. АН Узб. ССР, 1952 [*Collection of Eastern Manuscripts of the Academy of*

Sciences of the Uzbek SSR. Vol. V. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 1952 (in Russian)].
18. Тагирджанов А. Т. О двух редакциях «Маджма' ал-гара'иб» и о дате смерти его автора. *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук.* 1958. № 1(16). С. 21–25 [Tagirjanov A. T. On two editions of "The Majma' al-gharā'ib" and the date of death of its author. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. Department of Social Sciences.* 1958. No. 1(16), pp. 21–25 (in Russian)].
19. *Таджикская советская энциклопедия* (*ТСЭ*). Т. I. Сталинабад: Издательство Таджикского Академии наук СССР, 1978. [*Tajik Soviet Encyclopedia.* Vol. 1. Stalinabad: Publishing House of the Tajik Academy of Sciences of the USSR, 1978 (in Tajik)].
20. Юрченко А. Г. *Книга деревьев. Чудеса мира в восточных космографиях.* СПб: Евразия, 2020 [Yurchenko A. G. *Book of Trees. Wonders of the World in Eastern Cosmographies.* St. Petersburg: Eurasia (in Russian)].
21. Abu-l-Asfar Balkhi. *"Shu'ara-yi Balkh" ("Poets of Balkh"),* n. p. (Probably Afghanistan and Author's publication), n.d. (in Persian).
22. *"A'ja'ib al-Dunya" ("Wonders of the World").* Transl. from Persian, introd., comment. by L. P. Smirnova. Moscow: Nauka, 1993 (in Persian).
23. Baliani. *Arafat al-'Asheghin.* Edited by Z. Sahebkari. Tehran: Miras Maktub, 2010 (in Persian).
24. Balkhi, Mahmoud ibn Amir Wali. *Bahr-al-Asrar.* Ed. by Najib Mayel. Kabul: Afghan Academy of Sciences, 1982 (in Persian).
25. Bukhari, Baghayi. *Tazkire Majma' al-Fuzala.* Ed. by M. Khoshkab. Tehran: Manshur Samir, 2015 (in Persian).
26. *Catalog of Persian Manuscripts Institute of Manuscripts Dushanbe, Tajikistan.* Vol. 1. Tehran: Publications of the Iranian Ministry of Foreign Affairs, 1997 (in Persian).
27. *Catalog of Persian Manuscripts Institute of Manuscripts Dushanbe, Tajikistan.* Vol. 2. Tehran: Publications of the Iranian Ministry of Foreign Affairs, 1999 (in Persian).
28. *Catalog of Manuscripts of Ganjbakhsh Library.* Islamabad, Pakistan: Iran-Pakistan Research Center, 2005 (in Persian).
29. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqīb in Central Asia. *Journal of the American Oriental Society.* 1995;115(4):612–634.
30. Dughlat, Mirza Muhammad Haidar. *Tarikh-i-Rashidi.* Ed. by Abbasgholi Ghaffari-Fard. Tehran, 2004 (in Persian).
31. Grant Ed. *Planets, Stars, & Orbs: The Medieval Cosmos 1200–1687.* Cambridge: Cambridge University Press; 1996.
32. Gutas D. The Greek and Persian Background of Early Arabic Encyclopedism. *In:* Gerhard E. (ed.) *Organizing Knowledge: Encyclopedic Activities in the Pre-Eighteenth Century Islamic World.* Leiden: Brill, 2006, pp. 91–102.
33. Habibi A. *Majma' al-Ghara'ib.* Yaghma, 1335/1956, No. 100, pp. 363–368 (in Persian).
34. Habibi A. Majma' al-Ghara'ib Mufti Balkhi. *Ariana.* 1340/1961. No. 226, pp. 37–49 (in Persian).

35. Heravi Fakhri. *Tazkire Rauzat al-Salatin*. Ed. by Hesam Rashedi. Haydarabad: 1968 (in Persian).
36. Kabiryan Z. *Majma' al-Ghara'ib mufti Balkhi: Critical Text. Master's Thesis in Persian Literature*. Rafsanjan, Iran: Vali-Asr University, 2011/1390 (in persian). https://www.virascience.com/thesis/579170/.
37. Kabuli 'A. *Tazkire at-Tawarikh.* Ed. by Alireza Ghujezadeh. Tehran: Majles, 2013 (in Persian).
38. Karimov O. Persian Literature (16th Century). Tehran, Shahriar, 1390/2011 (in Persian).
39. Keshemi M. H. *Nasamat al-quds men hadae al-ons. Critical text.* Ed. by Monir Jahan Malek. PhD thesis in Persian Literature. Tehran: University of Tehran, 1997 (in Persian).
40. McChesney R. D. *Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480–1889*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
41. McChesney R. D. *Four Central Asian Shrines: A Socio-Political History.* Leiden: Brill, 2021.
42. Melville Ch. Perceptions of History in Persian Chronicles of the Sixteenth–Seventeenth Centuries in Central Asia. *Memory and Commemoration across Central Asia*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2023.
43. Mutribi Samarkandi. *Noskhe ziba-ye Jahangir.* Ed. by Esmail beik janov, Tehran: Marashi, 1377/1998a (in Persian).
44. Mutribi Samarkandi. *Tazkire a-Sho'ara.* Ed. by Asghar Janfada, Tehran: Miras-e Maktoob, 1377/1998b (in Persian).
45. Nasrabadi. *Tazkire-al-Sho'ara.* Ed. by Mohsen Naji. Tehran: Asatir, 2014 (in Persian).
46. Nisari. Muzakkir-i ahbab. Edited by Najib Mayel. Tehran: Markaz. 1377/1998. (in Persian).
47. Safa Z. *History of Literature in Iran*. Vol. 4. Tehran: 1364/1985 (in Persian).
48. Samarkandi M. *Mozakar al-Ashab.* Ed. by M. Taghavi. Tehran: Majles, 2011 (in Persian).
49. Sam-Mirza. *Tuhfa Sami.* Ed. by Roknuddin Homayun-farrokh. Tehran: 1966 (in Persian).
50. Sela R. *The Legendary Biographies of Tamerlane: Islam and Heroic Apocrypha in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
51. Subtelny M. E. Art and politics in early 16th century central Asia. *Central Asiatic Journal.* Vol. 27. No. 1/2 (1983), pp. 121–148.
52. Thagard P. R. Why Astrology Is a Pseudoscience. *In:* PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association (PSA). 1978. Vol. 1, pp. 223–234.
53. Tusi. *Aja'ib al-Makhlughat ("Wonders of Creations")*. Ed. by Manuchehr Sotudeh. Tehran: Elmi-Farhangi, 2003 (in Persian).
54. Varsaji Badakhshi. *Resale Haftad Mashaiekh-e Balkh va Akabir-e Balkh.* Ed. by Qasim Gharib. Tehran: Molla, 2023/1403 (in Persian).
55. Von Hees S. The Astonishing: A Critique and Re-reading of ʿajāib Literature. *Middle Eastern Literatures.* 2005. Vol. 8. No. 2, pp. 101–121.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

56. Wasifi, Zain al-Din Mahmoud. *Badaie' al-waqaie'.* Vol. 1. Ed. by A. Boldyrev. Tehran: Iran Culture Foundation, 1961 (in Persian).
57. Zadeh T. The Wiles of Creation: Philosophy, Fiction, and the 'Ajā'ib al-Makhlūqāt. *Middle Eastern Litterateurs*. 2010. Vol. 13. No. 1, pp. 21–48.

Информация об авторе

Резаипуя, Али — выпускник аспирантуры СПбГУ по специальности «История народов стран Азии и Африки»; ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-7150-7330.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена рецензентами 25.07.2026; принята к публикации 30.07.2026; опубликована 01.10.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ali Rezaeepuya — Graduate of the postgraduate program at Saint Petersburg State University, in the History of the Peoples of Asia and Africa, St. Petersburg, Russia; ali.rezaee.puya.ir@gmail.com/ https://orcid.org/0009-0001-7150-7330.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 30.07.2026; published 01.10.2026.